

В.С. НЕРСЕЯНЦ

Постсоциалистическая Россия: цивилизм как национальная идея*

В сумерках смены вех и ориентиров бродит призрак постсоциализма. От того, во что он воплотится, зависит все остальное – в стране и в мире, в российской и всемирной истории. Ничего окончательно решенного еще нет, и главный вопрос – куда можно и нужно идти после социализма? – остается открытым.

Альтернативы постсоциализма

Если социализм – это историческая ошибка, то капитализм оказывается концом всемирной истории, и после социализма надо возвращаться к капитализму. Такое представление о капитализме как конечной ступени и вершине всемирно-исторического прогресса свободы, права, собственности, государственности и т.д. в начале XIX в., что тогда было естественно, развивал Г.-В.-Ф. Гегель, а в конце XX в. – многие, хотя и не столь известные, авторы. В общем русле именно этих представлений – осознанно или по наитию – осуществляются сегодня попытки капитализации социализма в России и в ряде других бывших социалистических стран.

Если же социализм, несмотря на все связанное с ним зло, – не историческая ошибка, тогда у него должна быть своя (иная, чем капитализм) будущность, и, следовательно, ошибкой в таком случае является вся нынешняя стратегия возврата к капитализму. При этом ясно, что у социализма нет и не может быть такого продолжения и будущего, как коммунизм. Не потому, что социализм был ненастоящий, а потому, что коммунизм оказался иллюзией.

Здесь везде я имею в виду социализм советского образца – самый настоящий, пролетарско-коммунистический, последовательно марксистско-ленинский, а потому и сталинский, единственно возможный антикапиталистический социализм. Он представляет собой полную реализацию основной идеи коммунистически ориентированного социализма – отрицания частной собственности. Потому и можно уверенно сказать: ни другого по своей сути социализма, ни коммунизма как такового нет и не может быть. В этом прежде всего и состоит всемирно-историческое значение опыта нашего социализма.

Определяющее значение для общества с социалистическим прошлым и, как оказалось, без коммунистического будущего имеет преобразование социалистической собственности в собственность настоящую. Необходимость этого диктуется тем, что собственность (а это прежде всего собственность на средства производства) является не просто одной из исходных и важных форм выражения прав и свобод людей, но она образует собой цивилизованную почву для свободы и права вообще. Где нет собственно-

* Статья напечатана в "Независимой газете" (1995, 1 ноября).

сти, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода, право, независимая личность и т.д.

Суть так называемой социалистической собственности и вместе с тем всего социализма как раз и состоит в самом радикальном и последовательном отрицании всякой собственности в подлинном, экономико-правовом смысле этого понятия и явления. Поэтому для краткости пользуясь выражением "социалистическая собственность", следует помнить, что это – метафора, иносказание. То же самое относится к выражениям "социалистическое право", "социалистическое государство" и т.д., обозначавшим нечто прямо противоположное – отрицание права и государственности, их подмену антиправовым законодательством и партийной диктатурой. В целом социализм как отрицание прошлого и радикальный антикапитализм представляет собой негативную стадию в развитии мировой истории. И для его краткой характеристики очень подходят слова из предметного указателя к одному из советских уголовных кодексов: "Свобода – см. Лишение свободы".

"Государство" при социализме, где не было ни действительного права, ни настоящей собственности, не имело и никак не могло приобрести права на социалистическую собственность.

Итак, в результате "построения" социализма создана социалистическая собственность – уникальное явление в истории. Впервые все богатство страны представлено в состоянии без собственников и находится в неправомерном режиме достояния "всех вместе". Здесь – корень тоталитаризма, направленного прежде всего против каждого в отдельности. Но это негативное "равенство" вместе с тем отвергает любые привилегии в отношении собственности и обладает потенцией для утверждения позитивного равенства – равного права каждого на одинаковую для всех долю общественного достояния.

Время преобразования этого потенциала в актуальное состояние и перехода от негативного "равенства" несвободы к позитивному равенству свободы наступило. От достояния "всех вместе" необходимо перейти к собственности каждого в отдельности.

Гражданская собственность и цивилизм

Если мы всерьез хотим от неправомерного социализма перейти к правовому строю, то всеобщий принцип правового равенства должен быть последовательно применен прежде всего в отношении социалистической собственности.

С позиций права все граждане – наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано право на равную для всех граждан долю во всей десоциализируемой собственности. Социалистическая собственность тем самым будет преобразована в индивидуализированную гражданскую собственность, и каждый гражданин приобретет реальное субъективное право на равный для всех минимум собственности. Помимо и сверх этого минимума каждый, разумеется, будет иметь право на любую другую собственность – без ограничительного максимума.

Новый, постсоциалистический строй с такой гражданской (цивильной, цивилитарной) собственностью можно в отличие от капитализма и социализма назвать цивилизмом, цивилитарным строем (от лат. *civis* – гражданин).

Переход от социалистической собственности к гражданской собственности, например, применительно к Российской Федерации можно выразить в следующей юридико-нормативной форме:

1. Вся бывшая социалистическая собственность в Российской Федерации бесплатно индивидуализируется в пользу всех граждан по принципу равного права каждого гражданина на гражданскую собственность – одинаковую долю от всей преобразуемой социалистической собственности.

2. В соответствии с такой десоциализацией социалистической собственности все ее объекты становятся объектами общей собственности всех граждан как равных сособ-

ственников, владельцев равных индивидуализированных долей собственности в рамках данной общей собственности.

3. Гражданская собственность у всех без исключения граждан одинакова. Арифметический размер доли каждого гражданина-сособственника в общей собственности всех граждан с учетом числа граждан Российской Федерации, тенденций в динамике народонаселения и необходимости создания резервного фонда гражданской собственности устанавливается в виде $1/160\,000\,000$ доли общей собственности всех граждан.

Размер гражданской собственности с учетом изменения числа граждан и других обстоятельств определяется через каждые пять лет. В пределах этого срока изменения в количестве граждан и в составе объектов общей собственности граждан не влекут изменения самого арифметического размера гражданской собственности.

4. Юридический статус и титул каждого гражданина в качестве субъекта гражданской собственности официально удостоверяется надлежащим правовым документом о праве собственности.

5. Право на гражданскую собственность носит личный, прижизненный и неотчуждаемый характер. Ни один гражданин не может быть лишен права на гражданскую собственность. Гражданская собственность отдельных граждан не подлежит изъятию из общей собственности всех граждан. Право на гражданскую собственность не может быть полностью или частично передано другому лицу.

6. Для каждого гражданина открывается личный счет гражданской собственности, на который в централизованном порядке поступает равная для всех доля от всех доходов, получаемых от общей собственности всех граждан в результате всех форм рыночно-хозяйственного использования объектов этой собственности.

В порядке пояснений к приведенным положениям следует отметить, что в них речь идет о бесплатной индивидуализации всей социалистической собственности, то есть всех ее форм и всей ее массы. Это, в частности, означает последовательное отрицание как претензий государства (то есть системы государственных органов и отдельных ее звеньев) на социалистическую собственность, так и, следовательно, его права на долю в десоциализируемой собственности.

За государством признается лишь право на налоги, но не на доходы от объектов десоциализируемой собственности. Объекты (здания, техника и т.д.), необходимые для нормального функционирования государственных органов, первоначально должны быть предоставлены из фонда общей собственности граждан в бесплатное пользование, но не в собственность государству. В дальнейшем (с учетом состояния государственной казны и т.д.) возможен переход и на платный режим пользования подобными объектами. Кроме того, государство (и его органы) может, как и любое другое юридическое лицо в условиях рыночной экономики, на общих для всех условиях арендовать, приобретать в собственность и т.д. любой объект, находящийся в товарно-денежном обороте. Полное отделение государства от бывшей социалистической собственности является необходимым условием для окончательного раскрепощения населения, для формирования свободных собственников и свободного рынка, настоящих экономических и правовых отношений, не зависящих от политической власти гражданского общества и формирования на такой основе правовой государственности. Обществу с гражданской собственностью нужно и соответствующее его сути, целям и интересам государство. И не общество должно приравниваться к государству, а государство – к обществу и потребностям его членов.

Поскольку арифметический размер доли каждого гражданина в общей собственности зависит от общего числа всех граждан, то применительно к Российской Федерации на сегодня этот размер равняется около $1/150\,000\,000$ доле общей собственности. Завышение числа граждан на 10 млн продиктовано задачами обеспечения стабильности и неизменности этой доли (скажем, в течение пяти лет) и формирования необходимого резервного фонда. Разумеется, размер доли можно определять и на более короткие сроки (допустим, на один год) – в этом случае величина доли будет, конечно, больше, а резервный фонд меньше.

Говоря "юридическим языком", гражданская собственность – это идеальная доля каждого сособственника в общей совместной собственности всех граждан. Каково действительное содержание такой идеальной доли, покажет лишь рынок – по мере вовлечения объектов этой общей собственности в товарно-денежные отношения. Фактически владелец гражданской собственности будет получать лишь соответствующую его идеальной доле часть денежных доходов от объектов общей собственности. Эти денежные поступления на специальные счета каждого можно юридически обозначить как реальную долю владельца гражданской собственности, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Сама же гражданская собственность как идеальная доля каждого в общей собственности по природе своей не может быть заранее и наперед (до и без рыночных процессов) конкретизирована в денежном или физическом выражении. Поэтому она не может быть изъята из общей собственности и не может быть предметом какой-либо сделки. Эта собственность носит личный, неотчуждаемый характер и принадлежит гражданину от рождения до смерти. Будущие новые граждане (из числа тех, кто родятся или получают гражданство по иным основаниям), как и все прежние граждане, будут иметь одинаковое право на равную гражданскую собственность.

В концепции равной гражданской собственности речь, таким образом, идет именно о признании и закреплении права каждого на равную долю в десоциализируемой собственности, а вовсе не о вульгарном физическом делении поровну между гражданами самих объектов социалистической собственности, что, помимо всего прочего, в принципе невозможно, поскольку равенство вообще (в том числе – и в отношениях собственности) возможно лишь в правовой форме.

Равное право на одинаковую гражданскую собственность впервые реально возможно лишь "после социализма" – в правовой форме десоциализации уже наличной социалистической собственности. Поэтому, например, взгляды Платона, Ж.-Ж. Руссо и других эгалитаристов о фактически равной собственности всех выражают неразвитые представления о природе собственности, права, равенства и свободы. С этим связан и антиправовой, антилибертарный характер их утопий. К тому же фактически равная собственность для них – искомым идеал и конец развития, тогда как равное право на гражданскую собственность предполагает допущение и развитие (сверх этого минимума собственности) также и всех других видов собственности, то есть возможность и необходимость на базе равной гражданской собственности имущественных различий.

Признание гражданской собственности открывает дорогу для любого экономически целесообразного варианта платной приватизации объектов общей собственности граждан и их вовлечения в товарно-денежные отношения. Принципиально важно, что в таких отношениях каждый гражданин будет участвовать как собственник, и его доходы (денежные поступления на его личный счет) будут напрямую зависеть от интенсивности такого товарно-денежного оборота. На этой основе естественным образом сформируется то необходимое общественное согласие по вопросу о переходе к рынку, которое недостижимо при нынешней приватизации, осуществляемой за счет интересов значительной части общества. Вместе с тем только признание гражданской собственности будет настоящей гарантией правомерности, стабильности и общественной защищенности также и всех остальных форм собственности.

В принципе после признания гражданской собственности к платной приватизации могут быть допущены все объекты (включая и землю) общей собственности граждан, за исключением объектов общенационального значения. При этом определенная часть некоторых из допущенных к обороту объектов (например, часть земли, полезных ископаемых и т.д.) должна оставаться в общей собственности граждан, то есть не продаваться, а скажем, сдаваться в аренду, и т.д. Иначе говоря, в общей собственности всех граждан должна оставаться определенная часть наиболее ценных объектов, необходимая и достаточная для экономически эффективного и результативного функционирования исходной конструкции гражданской собственности.

Распродажа всех объектов общей собственности граждан и, следовательно, преобразование вещественного состава этой собственности в соответствующие денежные дохо-

ды граждан означали бы конец гражданской собственности. Однако не только экономически, но и социально-исторически принципиально важно сохранение на видимую перспективу неотчуждаемого права каждого на гражданскую собственность как гарантированный для всех минимум собственности.

Сверх этого минимума гражданской собственности допускаются и все другие виды собственности, так что физические и юридические лица могут в меру своих возможностей и без всякого ограничения приобрести по правилам рынка себе в собственность любой из объектов, находящихся в товарно-денежном обороте. Разумеется, в отношении такой (негражданской) собственности ее владелец будет обладать всем комплексом обычных правомочий владения, пользования и распоряжения.

Все эти виды собственности, допускаемые сверх гражданской собственности, можно было бы для простоты назвать "частной собственностью" (индивидуальной, групповой и т.д.), но в строгом социально-экономическом смысле это – не частная собственность, точно так же, как и "приватизация" после признания гражданской собственности принципиально отличается от нынешней приватизации (то есть создания частной собственности), которая проводится до и без признания гражданской собственности. Дело в том, что частная собственность (от античной до наиболее развитой, буржуазной) предполагает наличие несобственников, деление общества на собственников и несобственников. Наделение всех гражданской собственностью радикально меняет все отношения собственности и сам тип общественного строя: одно дело – антагонизм между собственниками и несобственниками, и совсем другое дело – отношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях неотчуждаемого права каждого на минимум собственности.

Известно, что частная собственность при всех своих недостатках сыграла существенную роль в общечеловеческом прогрессе, и до сих пор наиболее высокая ступень свободы (в виде всеобщего формально-правового равенства людей, свободы личности в качестве субъекта права и владельца собственности, члена гражданского общества и правового государства) реально исторически достигнута в условиях развитой буржуазной частной собственности. Преобразование социалистической собственности в гражданскую ведет к новому строю с более развитыми (чем при капитализме) формами собственности, свободы и права.

Право на гражданскую собственность – это не просто обычное формальное право (абстрактная правоспособность) индивида иметь (или не иметь) собственность на средства производства, а уже приобретенное, наличное и неотчуждаемое субъективное право на реальную собственность. Таким образом, *цивилитарное право – это новое, послебуржуазное и постсоциалистическое правообразование*. Оно сохраняет принцип любого (в том числе и буржуазного) права, то есть принцип формального равенства, и вместе с тем содержательно дополняет и обогащает его качественно новым моментом – равным правом каждого на одинаковый для всех минимум собственности. Подобно тому как гражданская собственность – это настоящая, юридически индивидуализированная собственность на средства производства, но уже не буржуазная частная собственность, так и право на гражданскую собственность – настоящее право, но уже не буржуазное право, элитарное право, таким образом по своему содержанию и уровню развитости стоит выше предшествующих типов права и, следовательно, в правовой форме воплощает большую меру свободы людей и выражает более высокую степень в историческом прогрессе свободы в человеческих отношениях.

Можно предположить, что и видимый дальнейший прогресс свободы будет осуществляться по цивилитарной модели обогащения и дополнения опорного принципа формально-правового равенства новыми, неотчуждаемыми, субъективными правами.

К капитализму через феодализм?

Сторонники перехода от социализма к капитализму очень много говорят о разгосударвлении и приватизации собственности. При этом как бы само собой разумеется,

что речь идет о собственности государства и о ее разгосударствлении, а не о достоянии народа, людей и его десоциализации.

Чтобы отвергнуть социализм на будущее, наши реформаторы отрицают его наличие и в прошлом. В русле такого несерьезного отношения к социализму любые реформы обречены на деформацию и неудачу. И прежде всего потому, что социалистической собственности, не отягощенной социалистическими долгами и постсоциалистическими ожиданиями вернуть их, не бывает.

Главным и определяющим фактором всего нынешнего процесса социалистических преобразований является действительное огосударствление социалистической собственности. В этом – суть дела, все остальное (не только в экономике, но и в политике!) – следствие. Данное обстоятельство заслуживает тем большего внимания, что оно, как ни странно, до сих пор не осознано обществом, его "верхами", "низами" и "краями".

Именно через так называемое "разгосударствление" и приватизацию государство меняет природу социалистической собственности и впервые на самом деле – в экономико-правовом смысле – огосударствляет ее. И только с помощью приватизации (и, следовательно, признания частной собственности и допущения неопределенного множества частных собственников) государство как раз создает экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника.

Основные результаты проводимых реформ можно свести к двум положениям различной, как водится, приятности. Сперва о хорошем. В результате десоциализации в России действительно созданы исходные начала и формы собственности, права, государственности, рынка и т.д. Плохо же то, что эти начала и формы не просто нехорошие и несовременные, а строго говоря, добуржуазные – по их природе и содержанию, по степени их социально-исторической развитости и т.д.

При оптимистической оценке идеи капитализации социализма можно сказать, что реформаторы в общем успешно и грамотно движутся в исторически известном направлении к капитализму: от рабства – через феодализм. В пессимистической же редакции это означает, что социализм не реформируем в капитализм, и из первого второе не получается. Все это, конечно, плохо вяжется со сверхзадачей нынешних реформаторов – оусуштить переход от социализма к капитализму.

Причина, по которой мы в результате проводимых реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (или, если хотите, нефеодальной) ситуации, кроется в природе складывающихся у нас экономических отношений, в типе собственности. Эта типология предопределена постсоциалистическим огосударствлением собственности, то есть созданием такой собственности, которая еще не свободна от государственной власти, и такой государственной власти, которая еще не свободна от собственности. В социально-историческом измерении подобная ситуация характерна для феодальной стадии, когда экономические и политические явления и отношения в силу их неразвитости еще не отделились друг от друга и не образовали две различные сферы относительно независимого, самостоятельного бытия. Такой симбиоз власти и собственности, политики и экономики означает, что общественно-политическое целое еще не созрело до дифференциации на частноправовую и публично-правовую области, на гражданское общество и политическое государство.

Разумеется, в конце XX в. не может быть простого повторения исторически известного классического феодализма в чистом виде и полном объеме. Да и феодализм был разный.

Своеобразие складывающейся у нас сверхновой феодальной туманности определяется уникальностью нашей государственной собственности и особенностями формируемой на этой основе системы политико-экономических отношений. Феодальная природа исходного начала "власть–собственник" по-феодальному деформирует и власть, и собственность, и отношения между ними. Отягощенность государственной власти собственностью развязывает мощную и долгосрочную центробежную тенденцию, ведущую к феодальному дроблению страны и государства. Утверждению единого государственного суверенитета в России препятствует именно государственная соб-

ственность в руках Федерации в целом и ее субъектов. Государство-собственник мешает государству-власти утверждаться в качестве суверенной организации, поскольку суверенитет по своей природе – это организация власти, а не собственности.

И в этом можно увидеть своеобразную расплату за неправомерное огосударствление народного достояния. Жадность губит наше постсоциалистическое государство. Вместо того, чтобы наконец-то стать общим делом народа, оно оказывается частным делом федеральной и региональной бюрократии. Там, где нет прочно утвердившейся единой системы суверенной государственной власти, там по определению не может быть реального верховенства обязательного для всех закона и вообще единой законности и общего правопорядка, единого экономического, политического и правового пространства.

Для реально складывающейся ситуации характерны такие типично феодальные явления, как девальвация роли закона, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права, разнობой и противоречия между различными нормативными актами, раздробленность, мозаичность и хаотичность правовой регуляции, корпоративный, "сословно-цеховой" характер различных правомочий и правовых статусов. Вместо декларированных в новой Конституции всеобщих прав человека и гражданина и в противовес принципу всеобщего правового равенства в реальной жизни доминирует дух корпоративизма, действует множество нормативно установленных общегосударственными и региональными властями особых прав-привилегий, специальных правовых режимов, разного рода правовых исключений и льгот – в пользу отдельных лиц, групп, профессий, социальных слоев, территорий и т.д.

Право как привилегия особенно откровенно и результативно утвердилось в процессе приватизации и вообще в сфере собственности. Здесь каждый субъект и объект собственности, любой промысел появляется, живет и действует не по единому общему правилу, а в виде исключения из него, в каком-то казусном (то есть определенном для данного конкретного случая) статусе и режиме. Именно на несобственников в нашей ситуации падает вся тяжкая цена преобразований, в результате которых в большом выигрыше оказываются весьма узкий слой собственников и новая номенклатура, осуществляющая дележ огосударственной собственности.

Вместе с "новыми русскими" возникает и новый русский вопрос: удержат ли "меньшевики" собственность? Дело, разумеется, не в зависти бедных к новым богатым, а в откровенной неправомерности и несправедливости от начала до конца всего этого процесса фабрикации собственности одних за счет и в ущерб всем остальным. На такой основе реальное общественное согласие просто невозможно.

От резкого сдвига влево или вправо основную массу населения пока что удерживает инерция надежды на получение своей доли от социалистического наследства. Без удовлетворения в той или иной форме этих правомерных притязаний "война всех против всех" за собственность и власть надолго прервет реформистский путь преобразований.

Новые ориентиры русской идеи

Наличие объективно-исторической возможности прогрессивного развития от социализма к цивилизму означает вместе с тем, что все остальные варианты преобразования реально сложившегося социализма являются неизбежно регрессивными и в конечном счете несостоятельными. Концепция цивилизма показывает, что социализм – не историческая ошибка и не впустую затраченное время, что беспрецедентные жертвы нескольких предшествующих поколений не пропали даром, что при социализме, этом наиболее радикальном, кровавом и напряженном участке российской и вместе с тем всемирной истории, впервые созданы реальные предпосылки (в виде социалистической собственности) для перехода к более высокой, более справедливой, более гуманной ступени развития общечеловеческой цивилизации.

Идея гражданской собственности – главный вывод из всего предшествующего социализма. И состоит он прежде всего в том, что искомое на протяжении тысячелетий мистическое "фактическое равенство" как нечто большее, чем формально-правовое ра-

венство, на самом деле в своем рационализированном значении в принципе реализуемо не непосредственно путем коммунистического отрицания собственности и права и создания социалистической собственности, а лишь в более развитой экономико-правовой форме – в виде реального права каждого на равную долю десоциализируемой собственности. До и без реального социализма (и его финального кризиса), априорно и умоуязвительно концепцию гражданской собственности и цивилизма как направления продолжения истории невозможно было бы и вообразить.

Коммунистическое требование "фактического равенства" отвергает ценности и достижения общецивилизационного процесса: собственность, право, государство, свободную личность и т.д. Гражданская собственность – это наконец-то исторически найденная форма удовлетворения и вместе с тем одновременно преодоления этого разрушительного требования в категориях самой цивилизации, то есть в форме права собственности. Цивилизация при этом продолжается благодаря тому, что она обогащается новым формообразованием свободы – неотчуждаемым правом каждого на гражданскую собственность. Средствами досоциалистической цивилизации это всемирно-историческое требование большего равенства, чем формально-правовое равенство, неразрешимо.

Концепция цивилизма обладает регулятивным потенциалом и для капитализма. Это регулятивно-ориентирующее значение идеи цивилизма (в качестве нового категорического императива) можно в общем виде сформулировать так: от капитализма к цивилизму, минуя социализм. Более конкретно это означает: каждому – неотчуждаемое право на гражданскую собственность.

Социализм уже подготовил правовой ответ коммунистическим требованиям масс. Этим может (и объективно будет вынуждено) воспользоваться и капиталистическое общество, чтобы избежать мук реального социализма. Но для этого сложившихся социальных услуг бедным и так называемого "шведского социализма" в пользу несобственников окажется мало: необходимо будет каждого наделить неотчуждаемым правом на достаточный минимум собственности на средства производства, то есть на персонально определенную равную долю в рамках специально создаваемого фонда общей собственности всех. Понятно, что размер этого минимума и самой общей собственности всех граждан будет зависеть от соотношения сил, претензий и интересов в соответствующем обществе, степени его богатства, уровня жизни населения и целого ряда иных факторов, которые в совокупности определяют конкретное содержание соответствующего "общественного договора" о гражданской собственности. Но это уже проблемы для самого капитализма: найти свой путь к послекапиталистическому цивилизму, оставив тем самым социализм позади себя, избавиться от порождающих и сопровождающих его проблем и т.д.

Постсоциалистический цивилизм и посткапиталистический цивилизм при всех различиях между ними обладают принципиальным единством и типологической общностью благодаря их единой основе – неотчуждаемому праву каждого на гражданскую собственность. Антагонизм между социализмом и капитализмом может быть, таким образом, преодолен и снят лишь на общей основе цивилизма, то есть на почве и в условиях будущего принципиально нового ("третьего") строя. **Концепция цивилизма тем самым демонстрирует ошибочность и иллюзорность представлений о конвергенции капитализма и социализма.** Речь на самом деле должна идти не о конвергенции капитализма и социализма, а о преодолении и социализма, и капитализма, о переходе и от социализма, и от капитализма к цивилизму.

Не вдаваясь здесь в детали, можно в целом уверенно сказать, что порожденный и подкрепленный реальной историей социализма категорический императив о неотчуждаемом праве каждого на общеобязательный минимум гражданской собственности преодолит сопротивление сложившихся отношений в сфере собственности и подчинит их своему регулятивному воздействию. В исторических масштабах вектор развития общественной практики совпадает с направлением и ориентирами прогресса идей.

Если даже реальный социализм XX в. упустит нынешнюю объективную возможность для перехода к цивилизму, то это вовсе не будет означать потери самой идеи цивилизма и уже навсегда открывшегося пути к нему. Без перехода к цивилизму ни коммунистическую идеологию, ни новые попытки ее реализации преодолеть невозможно. До и без утверждения гражданской собственности любая другая собственность на средства производства по своей природе является частной собственностью со всеми присущими ей антагонизмами, а там, где есть частная собственность, там неизбежна и борьба против нее, там естественно возникает и коммунистическая идея – бессмертная идеология несобственников.

Кровавый путь от капитализма к социализму был проделан при попутном ветре истории, усиленном порывом к окончательной справедливости и чарами мифа о всеобщем земном рае. Проект возвращения от социализма к капитализму лишен не только подобных сверхмотиваций, абсолютно необходимых для любого большого исторического дела, но и достаточной массовой поддержки, нужной для достижения социального согласия в обществе с социалистическим прошлым. Сделать бывшее небывшим не могли даже олимпийские боги. Тем более что это "бывшее" (в нашем случае социализм), как показывает концепция цивилизма, имеет всемирно-историческое продолжение.

В концепции постсоциалистического цивилизма прошлое и будущее России приобретают взаимосвязанный и осмысленный характер как ступени единого, прогрессивно развивающегося исторического процесса. Только благодаря этому можно концептуально, а не голословно утверждать, что у России есть не только прошлое, но и будущее, что у нее есть своя история, которая имеет собственное продолжение.

Когда же из прошлого России, по тем или иным соображениям, вычеркивают социализм, а постсоциалистическую Россию, как "блудного сына", зовут вернуться к дореволюционным порядкам, или к капитализму, то это ведь, откровенно говоря, означает историческую дисквалификацию России. Если, как полагают идеологи возврата назад, Россия почти весь XX в., то есть в эпоху ее максимальной всемирно-исторической активности и значимости, по ошибке или по иному ущербному основанию вела себя и других в тупик, то на какую викторию после такой конфузии вообще можно рассчитывать?

Идеология ошибочности и тупиковости российской истории XX в., будучи по сути своей антиисторичной, навязывает России и ее народам стойкий комплекс исторической неполноценности и отбрасывает страну на периферию социально-исторического развития. Между тем ясно, что социализм XX в. – это именно русская история.

Более того – это, по критериям всемирной истории, самое существенное во всей истории России. Тот звездный случай, когда национальная история напрямую делает дело всемирной истории. Делает потому, что способна это делать и видит в этом свое собственное дело и свою всемирно-историческую миссию. По ошибке, обману и т.д. такие дела не делаются. И именно в России проделана вся черная работа всемирной истории, связанная с реализацией и практической проверкой общечеловеческой коммунистической идеи. Ответ найден – гражданская собственность и цивилизм. Это и есть русская идея сегодня и на будущее, российский вклад во всемирно-исторический прогресс свободы и равенства людей. Дело, как говорится, за малым – в самой России воспользоваться русской идеей.